

Об ушедшем языковом творчестве

С.Ю.Семенова

Когда человек покидает этот мир, уходит его язык, в первую очередь устный. Погибает мир индивидуального языкового творчества, ещё безвозвратней становится идиолект предыдущего поколения, наследованный ушедшим человеком. Обрушается Диалог между ушедшим и живым, скудеет мир и меняется язык оставшегося участника Диалога. Что может оставшийся? Лишь запечатлеть на бумаге свое воспоминание и понимание ушедшего языка и теплеть языковую традицию в наступившей устной повседневности. Автору хотелось бы раскрыть некоторые черты идиолекта матери (в номинации, в языковой игре), представляющиеся ему выразительными и значимыми.

*Негасимой памяти мамы,
Елизаветы Григорьевны Семеновой*

Истина банальная и печальная: когда человек покидает этот мир, вместе с ним уходит его язык, в первую очередь устный. Погибает мир индивидуального языкового творчества, отражающий и личностные черты, и судьбу. Что может осиротелый оставшийся? О языке - лишь запечатлеть на бумаге свое воспоминание и понимание ушедшего языка и теплеть языковую традицию в наступившей устной повседневности своей.

В этом тексте, который не есть в полном смысле научная статья, а скорее лингвистический очерк, хотелось бы поведать о некоторых чертах идиолекта мамы (в номинации, в языковой игре), отражающих саму фактуру ушедшей Жизни. Постараться сделать так, чтоб хотя бы малая толика отзвучавшего в Жизни ожила в тексте, и поделиться этим текстом.

Постараться раскрыть и самобытность маминого языка, и узнаваемую обыденность его. Черты её языка не отделимы полностью от ушедшего общего языка семьи, когда все словесные находки складывались в общую копилку, когда все были авторы и меж домашними и прочими делами радостно "творили" язык, потому что всем было хорошо. Конечно, семейный язык "одной, отдельно взятой" семьи едва ли отделим и от языка "общечеловеческого", от того, что может быть свойственно непринужденной домашней речи во многих семьях. Тем более, быть может, было бы полезно осмыслить и озвучить вспоминаемое.

Итак, закончилось время упоительной Жизни, наступило "время реминисценции".

Когда уходит человек, ещё безвозвратней становится идиолект предыдущего поколения, наследованный и хранимый им. В человеке, перенесшем "смену поколения", "отныне и присно" жив образ дорогого ушедшего, звучит его речь, не умирает его языковая традиция. И для скорбящего характерно неизменное, быть может не всегда осознанное, стремление к цитированию – по-видимому, из трансцендентного поверия, что если цитируешь любимого человека, то он сейчас рядом. Что он какими-то струнами жив, если жив и звучит его текст.

И мама, цитируя свою маму (конечно, для автора – бабушку), как бы приглашала, призывала её в свою повседневность, вела с ней постоянный внутренний Диалог. Цитировала характерное, якорное в бабушкиной речи, оживляла её языковую игру в своей многотрудной действительности.

Речь бабушки – народная городская московская речь середины 20-го века, лаконичная и сатиричная, относящаяся, должно быть, к прототипическому московскому койне.

Цитировались пришедшие именно от бабушки известные фразы, и крылатые, и просторечные, которые, по-видимому, уже мало свойственны речи интеллигенции конца 20-го – начала 21-го века, да и в целом, как кажется, поредели в обиходе. Фразы, по большей части горестные, выражающие печальное удивление происходящим в самом человеке и вокруг него:

Боже, Боже, дай мне кожи, я сошью себе сапожки! Я сошью себе сапожки и пойду молиться Боже; Думал, думал: жить нельзя, раздумался: можно!; Куда ни кинь, кругом шестнадцать; Вот до чего, и то ничего!; Вставай, ворочай, народ рабочий!; Минутки всё едино!; Думай, голова, картуз куплю!; И пошел Иван Татьяныч....

Звучали вызванные к жизни общеизвестные пословицы и поговорки, но они тоже были прежде всего цитированием бабушки: *Крестьянство хуже пьянства!* (про неурожай, заморозки и подобное); *Не радуйся найдемши...; Что имеем не храним...; От тюрьмы и от сумы...; Как веревочке ни виться....*

Цитировалась потрясающая своей безысходной печалью некрасовская строчка: *"Вашему пахарю моченьки нет"*.

От бабушки пришло и шутивное омонимичное: *Я не в тебя жадная!* (так кто из двоих собеседниц жадный?), и веселое, "спорое", "хозяйственное": *Ты не ловок, дай-ка я!*, и озорное: *"Пока! Вы надоели нам слегка!"*.

Среди цитируемых бабушкиных высказываний были фразы из подсмотренных десятилетия назад сенок, вряд ли относящиеся к распространенному фольклору. Например, реплика нечестной кассирши в столовой, обсчитывающей

клиента-едока (обман совершается в советских деньгах): *Сорок по сорок – два сорок!* (а должно было быть четыре раза по сорок – рубль шестьдесят) . *Кильку не ел? – (Не ел.) - Три сорок!* Или реплика бедного простодушного пешехода, разглядывающего породистую собачку, сидящую в автомобиле: *И почему тебя ("тибе") катают, а меня ("мине") не катают?*

Цитирование было неизменным, но всё же редким – без прибегания к нему "всуе". Горестные пословицы звучали все годы, но лишь в ситуациях, действительно серьезных и тревожных (ещё по меркам Жизни).

Вспоминался, конечно, не только текст, вспоминались эпизоды жизни. И почему-то не насторожило автора в последнюю зиму частое, как бы невзначай, воспоминание о последнем полугодии бабушки, полном смутных медицинских намеков...

Изречение, ставшее грустной классикой внутри семьи: *И что будет, когда Пяткина не будет?* (Некий "дядя Саша" Пяткин – давний бабушкин сосед, поколения ещё её родителей, рожденный в 1880-е годы; именно ему принадлежит фраза). И, вариация на ту же тему - мамины собственные, выстраданные, "внутренние" слова: *Хоть бы мне взглянуть одним глазком, как ты будешь тут без меня!*

Речевая "классика" возникала и пополнялась все годы. В семье (и притом, видимо, в каждой семье) постоянно рождается своя классика, в которую попадают реально звучавшие высказывания, в свое время показавшиеся яркими в силу тех или иных причин. Например, слова дачного соседа, сказанные в начале 1980-х годов: *"Да о чем с ними говорить, у них даже машины нет!"*, обыгрывались в последнюю печальную зиму 2004-го: *"О чем с тобой говорить, у тебя даже температуры нет!"*.

Мамина письменная речь лаконична, без "красивостей и прибабасов", это речь "технаря", а не гуманитария. Вот одно предложение из её мемуаров о первых (1950-х) годах работы на оборонном предприятии: *"Несмотря на исключительно высокий темп работ, никто не роптал, все понимали важность решаемых коллективом задач и трудились с полной отдачей сил"*. Запись в медицинском дневнике: *"ЭКГ от 15/11 – плохая, тахикардия + экстрасистолы. [Фамилия врача] предлагает стационар – я отказалась. ... Стрелы в голове – думала от ЭНАП'а, [] отрицает."*

При этом разговорная живая речь полна непринужденной образности, оборотов, оригинальных "фигур восприятия" - сколько их прозвучало за Жизнь?! Речь порой нервна: раздавать пустые обещания - *колыхать воздух*, бродить по улицам бесцельно - *из ног глухоту выбивать*, навязчиво убеждать - *долбить как дятел*, неинтересный

собеседник - *серый как заяц*; порой полна наивного умиления: живые цветы – *как крепдешиновые...*

В чем проявляется чувство счастья, душевный уют? В том числе, наверное, в бесконечной игре слов, в каламбурах, в домашних прозвищах. В неистощимой **потребности** в них. Игра возникала всегда, когда чуть отступали внешние неприятности и передышка ("перемирие") давала болезнь. Шутила вся семья, и авторство каждого высказывания не столь важно. Конечно, многое здесь узнаваемо и присуще многим людям в их домашней, непринужденной словесной игре. Тут нельзя притязать на какую-то особую оригинальность, хотелось бы просто запечатлеть, отразить фактуру речи, а через неё - фактуру бытия, судьбы, и характер человека.

Частый элемент домашней коллективной языковой игры – игра фонетическая. Нарочитое, под просторечие, искажение и утрирование звуков, например, безударных гласных: *"Вот до чАво, и то ниЧАво!"*; *рАбенок* (то есть ребенок), *вИзание* (вязание). Просодическая игра, сдвиг ударения: в нейтральной речи *чулки*, но в шуточных сценках – *чуЛки*. Просторечная замена ударной гласной: свет или газ то *погашен*, то *погОшен*. Пародировалось северное произношение: *Тыща рублей* – как *Одна кОпейка* (заодно пародировался и человек-скряга: *Тыщу рублей Отдала!*) Естественная в домашней речи борьба с зиянием, исконно свойственная русскому носителю: *пиЛала* (пиала); *Что там в радиВе говорят?* И, наоборот, охотное "делание" двух гласных подряд: *Что там в мире дЕЕтся?* Даже произнесение обычных числительных было озорным блаженством: *деВИть, десИть, пИИсят (псят), шИИсят, семИсИТ, восИмИсИТ, дЫвяносто...* Звукоподражательные каламбуры: *зверь-касса* (сберкасса, особенно в период гиперинфляции); с фонетическим утрированием – *ЗвЕрЬ - касса*.

Привычная черта маминой домашней игры – уютная имитация детской речи: *коватка* (кроватька), *большой* (большой), *мокий* (мокрый), *плякать* (плакать), *плёхо!* (о самочувствии). Из детской речи взяты и *юбтя* (юбка), и *кусманчик* (кусочек). По возвращении из магазина: *Ну, что купляла?* Имя *кусманчик* и глагол *куплять* (купить) как игровые слова унаследованы от маминого отца, и возможно, пришли они из дореволюционной петербургской игровой культуры. Игривое *"шубитейка"* – зимне-летняя смесь "шуба+тубетейка".

Один из элементов языковой игры – "исправление", "овзросление" слова, по механизму, близкому к известной трансформации "зонтик → зонт". Сотворено старательное и женственное это исправление было с пятью существительными: *подуша, таблета, макуша, картоша, селеда*. Бывало такое и с парным существительным *глазы* (от *глазки*).

Ещё одна игровая трансформация – перевести слово в противоположный род, в женский: *правая глазка*, и наоборот, в мужской (*Я уже устал!*), или, например, известный переход: *закуска* – > *закусон* и каламбурное развитие его --> *закисон, прокусон*.

Поллобились игривые сокращения слов – на один слог (что, конечно, делается только ради игры и уж никак не дает экономии во времени): автобус – не *сто тридцатый*, а *тридцатый*; фрукт *пельсин*.

Прозвища – добрые, веселые, пародийные, давались и людям, и предметам. Старый товарищ, диктовавший по телефону расписание магнитных бурь – "Буревестник", продавщица, не раз замеченная в обсчете и обвесе – "Лисонька"; синий плащ в морском стиле – "кот Матроскин", теплая кофта из рыжеватого мохера – "лютая тигра".

Одна из тем игры - насмешка над болезнью, над самочувствием:

Ношки болят! От устойчивой глагольной пары *пойти полежать* (я пойду полежу) печально-ироническая трансформация *побежать полежать*. Про поход в поликлинику в гололед: *в полуклинику на полусогнутых*. Обыгрывалось прилагательное *полуживой*: "Ты живая? – Да вроде. – А я уже полУ!". По возвращении из поликлиники, после очередей и равнодушного врачебного приема – обыгрывание аспектуальных свойств глагола: *Ну, как тебя вылечили сегодня?* - *На "нять с плюсом!"* [Фамилия врача] *говорит: "Ну и что Вы от меня хотите?"*. Ответные номинации любимых врачей (которых весьма немного встретилось на пути!): *терпеливица, заслуженная больная, кавалер ордена: "Заслуженный больной"*. Про свое телосложение, с большим преувеличением: *"Я Толстой!"*. Про людей здоровых и потому не понимающих болезнь: *"Не знает, с какой стороны у него/у неё сердце!"*. Часто цитировали бывшего коллегу по работе, который в своё время пародировал сочувственно театральную пьесу: *"Те же и Семенова на носилках"*. Про обострение болезни: *"Ну, Семенова, опять отличилась!"*. Про счастливое выздоровление: *"Ну, Семенова, выкарабкалась!"*; *"Всё-таки живучая твоя мать!"*. Мужественное презрение к одной из "высших" болезней: *"Может, у меня рак – дур-р-рак?"*. Эта "высшая" миновала, зато подстерегла другая, "высшая и последняя"...

Про немедицинские сложные человеческие контакты, снова игра на аспектуальных свойствах глагола: *Ну, как тебя воспитали сегодня?*

В сферу языковой игры вовлечены лекарства; некоторым дадены уменьшительно-ласкательные имена: *кордароша, астируша*. Антибиотик *левый мицетин* (левомицетин). Про навязчиво рекламируемые лекарства неведомых мелких фирм: *таблетки из подворотни*. (И хлеб в последние, "демократические", годы тоже делился на *заводской* и *из подворотни*; вспоминали Джерома К. Джерома: "I

know a place round the corner..."). Заодно, про модифицированные продукты питания, уже всерьез: *"Травят людей!"*.

Элемент языковой игры – слияние двух устойчивых оборотов со сменой фигурального значения: от *держат ушки на макушке* к *вянут ушки на макушке*, и возврат к буквальному значению - *болят ушки на макушке*, или с "овзрослением": *болят уши на макуше!*. Как и *болят* (а не столько *бегут*) *ножки по дорожке*.

Особой темой и почвой домашней языковой игры (как, наверное, во многих семьях) стала кухонная рутина: не только *кухня*, но и *тухня*, не только *картошка* и *картоша*, но и *картышка*, рифмующаяся не с далекой от домашней среды *"мартышкой"*, а с реальной *одышкой* (рифма в игре всегда "на подхвате"). *Щи – не свищи!* Включение фонетики: *"Щи да каша – пишица наша"*. Каша – *жидковЕнька*, суп – *брандахлыст*. Рыбный суп – *"баланда, полная кефали"*. О костлявой рыбе: *"Рыба – атомная бомба! Ешьте осторожно! Не разговаривайте!"* Частое цитирование Гоголя: *"Суп в кастрюлке прямо из Парижа!"*. И с утрированием: *"Прямо с Парижу!"*. Про сюрпризно раскрываемую мамой кастрюльку с особо вкусной едой: *"Оживление в зале!"*. Пародировалась словообразовательная и прочие системы других языков: про лохматый, неопрятный кочан капусты – *"рваниссима!"*, исконно славянский кисель – *кисЭль* или *киселлино*. Пародия на вьетнамскую фонетику: *"С чем-м-пьем-м-чай?"*. Пародировалась фраза из народной сказки: *"Сестрица, испей водицы!"*: *испить* можно было молока, кефира, валокордина. Веселое фонетическое утрирование: *пойду чаю напьюС!* (Пародия на детскую классику: *"Я хочу напиться чаю, К самовару подбегаю..."*) Про сезонную, заканчивающуюся в данном сезоне еду, например, про свежую малину: *"Запоминай вкус!"*. И в дополнение старинное, классическое: *"по любви поминки"*. Про пищу "старых русских" – футбольная ассоциация: *положение "вне икры"*. Вспоминались и обыгрывались великие фамилии (и это, видимо, определенная традиция в непринужденной русской языковой игре): чай – *Чайковский*, кофе – *Прокофьев*, невкусный остывший чай – *Мусоргский*. Любить определенную еду – *специализироваться*. Например, *специализироваться на колбаске*. А имя главному колбаснику – *ты у нас главный колбасник*. (Другая подобная номинация: подруге, научившейся хорошо выращивать овощи: *"Ты у нас стала такая огуречница и помидорница!"*.)

Обыгрывалась магазинная рутина – про рынок в Теплом Стане, где продавали дешевые и некачественные овощи: *"Тухлый Стан (Тухлая Сташа)"*. Про популярный гипермаркет, к названию которого рифма так сама и просится: *поехать в*

Рамстор на простор. Про парфюмерный магазин, где давали пробовать духи: *пойти попрыскаться.*

Насмешка над вечным спутником современного домоседа, добровольного или вынужденного – телевизором: не избитый в подростковой речи *телик*, а полуфранцузский *сель-а-ви-зор*. Но и подростковая речь тоже пародировалась – фонетически: *сотреть кино*. Нарочитое просторечие тоже бывало: *телявизор*. Времяпрепровождение у источников СМИ обозначали глаголами *радиослушать* и *телезреть*. Собственно, это тоже осознанная пародия – пародия на произведение одной доброй знакомой, которая говорила про прозябание на садовом участке дождливым летом: *"Мы здесь водоплаваем..."*. Телевизор ассоциировался с домашним покоем, новостные программы были средством отвлечения от страданий: *"Больного надо отвлекать..."*. Политические телевизионные персонажи (неодинозные) принимались в сферу "своего": С. Шустер – *Шустик* или *Шустрик*, А. Пушкин – *Алеша* ("*Алеша-Постскриптум*"): *"Включи Алешу..."*

Ситуацию, когда разрывалась старая одежда, весело комментировали: *"Оборвайс!"*, пародируя фамилию логика Барвайса и отчасти - его ситуационную семантику. Пришивая заплатки, со смехом вспоминали историческую фигуру Отрепьева...

К игре слов можно отнести и употребление новых валентностей. Например, валентности адресата у исходно неречевого глагола. Когда в прихожей напрасно и неэкономично горела лампочка: *"Кому свет горит? Ведь это наши деньги горят!"* И сейчас, в наступившей постдействительности есть потребность учредить в рассказах и записках эту опустелую, запоздалую валентность адресата: *вспоминать про что-то -> кому, возмущаться чем-то -> кому, смеяться над чем-то -> кому...*

Пародийность речи стала признаком душевного уюта, гармонии. Постоянно напрашивающаяся, не умолкающая в подсознании пародийность – признаком счастья.

Многое пародировалось близко к тексту, почти цитированием.

Например, рифма К. Чуковского "*комарики на воздушном шарике*" навела естественное житейское, тоже рифмованное, но без насекомых: *"кошмарики на воздушном шарике"*.

При покупке резиновых сапог: *будем теперь как Кот – в сапогах!*, перед приемом душа: *мыться как Всадник – без головы!*. Да и сколько их – сиюминутных лексических доказательств счастья!

Когда однажды сорвалась командировка в Северную Пальмиру, и страсти по этому поводу поостыли: *"Как я рад, как я рад, Что не еду в Ленинград!"*. Про особо удачное и потому быстро

съедаемое кушанье: пирог/салат *шагает как Азербайджан* (цитировали давнюю песню в исполнении М. Магомаева: "Широко шагает Азербайджан"). Покупая фрукты, цитировали Э. Успенского: *"Не привык я прятаться за чужие спины, если рядом раздают людям апельсины"*. Насмешливо "почти цитировали" Ю. Никулина: *"С утра я рад, чего-то жду, ура-ура в [родимое учреждение] иду!"*. Один из часто цитируемых – артист-юморист А. Райкин: *"Соображать надо!"*. И с "фонетикой": *"Собрижать надо!"*. Более отдаленное цитирование Райкина, уже скорее подражание: *"Ты как печка! Ты можешь отапливать северные районы!"*

Цитировали Пушкина: *"Дуня, примечай!"*. Когда в 1980-е по случаю купили пряжу малинового цвета, то затеяли вязание берета и не могли не смеяться: *"Кто там в малиновом берете?"*. "Почти цитировали" Пушкина в его утро дуэли: *"Вот как надобно вИзать!"*.

Цитировали, конечно, не только классиков. Цитировали домашних знакомых. Цитировали давнее, услышанное годы тому назад. Например, весело вспоминали одного выходца из Средней Азии, жаловавшегося в 50-е годы на военно-полевую столовую: *Макарон в живот попал, Макарон живот сломал*.

Что выказывает эта языковая игра? Что таила она в себе - в Жизни? Для оставшихся членов семьи – несравненный, благодатный и безвозвратный душевный комфорт. То, что жить было удивительно интересно. Жизнь, а с ней и Слово манили своими гранями. Для мамы - тревогу за себя, за семью и одновременно боязнь встревожить близких, постоянное самопожертвование. Надмирное, внерациональное чувство вины перед близкими за свою болезнь. Стремление утопить тревогу в шутке. Скупая запись в домашнем медицинском дневнике: *"Любить – значит беречь"*.

И скрытая – даже от родных – борьба за жизнь. Борьба во всем, ежесекундно, неотступно, даже суеверно. Любимый цвет летних кофточек – зеленый: *"Зеленый – цвет жизни!"*.

Тема финала жизни тоже охвачена шуткой – но шуткой горькой, саркастической. Про многочисленные агентства, предлагающие "помощь" одиноким старикам за квартиру, про похоронный бизнес, поставленный на широкую и быструю ногу: *"Только помирайте!", "Помирай-не хочу!"*; *"Превратили кладбища в парк культуры..."*. С горечью цитировалась И.Хакамада: *"пока не вымрет это поколение..."*.

Когда уходит человек, обрушивается Диалог между ушедшим и живым, скудеет мир, переворачивается сознание, и меняется язык оставшегося участника Диалога.

Ушедший мир домашнего диалога – мир, почти что виртуальный, созданный в противовес внешнему, жесткому и холодному. На внешние неприятности неизменно откликалось больное сердце, и диалог был: *"Ты как? – Соответственно!"*

Диалог – это прежде всего диалог единения, сквозь болезнь и прочие тернии:

"Ты как? - Я как ты. Как ты, так и я! – А я ничего. – Ну тогда и я ничего!" или: *"Ты как? – Я-то что? Я здоровая! Вот ты-то как? – Ну уж и здоровая!"* ;

"Ночью меня зови! – Не буду я тебя звать, ты и так совсем не спишь! Ну, иди, я буду спать! И ночью ко мне не заходи, а то я не буду спать!";

"И в кого ты такая любименькая? – В тебя!"...

В диалоге покоя, временной передышки от медицинских и других тревог вновь воскресала игра и пародия. Например, пародия на запуск космического корабля, когда секунды готовности отсчитываются в обратном порядке: *"Уж в этом году поеду за город с апреля! - С марта, с февраля, с января – пу-уск!"*. *"На завтра обещают мороз двадцать градусов! Одевайся тепло! – Двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят – пу-уск!"*.

Ежеминутное наслаждение словом, простым русским словом, смыслом, звуком и вкусом его, было неотъемлемой частью наслаждения Жизнью. И в последней жестокой болезни посреди медицинского ада вдруг прозвучал вопрос: *Как сказать по-английски:*

"Я русский бы выучил только за то..."?

Быть может, главная речевая характеристика человека – его слова о своей сущности, о цели на земле. И для мамы эти вопросы были ясны и однозначны: сущность – любовь, цель – служение. Служение семье, дочери: *"Хоть бы мне подольше пожить, чтоб тебе помочь!"*. Любовь к стране и, по мере сил, – служение ей (и это отдельная, вневелингвистическая тема). Перед последним общим нашим Диалогом-семинаром – Диалогом'2003 – домашний диалог был: *"Ты сможешь без меня пять дней? – Я всё смогу, моя Россия!"*. Любовь, готовность, служение и терпение – как миссия жизни всей, от первого почти что и до последнего мига. Самым первым словом маленькой девочки было: *"Сейчас!"*, а последними словами – *"Будем ждать!"* (врача скорой помощи...) А до того – отчаянная и мужественная борьба за отсрочку последнего мига, запись в медицинском дневнике: *"Годы мои! Ну задержитесь, прошу, на мгновение!"*. Неумолимое время – *"не дремя!"*. Но Жизнь в Счастье – как Завещание...